

**Т.Д. Савченко,
Т.Н. Щириковская**

Символика мифа в жанре литературы путешествий о Кавказе второй половины XX в.

Пространство относится к числу универсальных категорий культуры и выступает одним из важнейших элементов мифопоэтической архаичной модели мира. В архаичной модели мира пространство оживотворено, одухотворено и качественно разнородно. Оно не является идеальным, абстрактным, пустым, не предшествует вещам, его заполняющим, а наоборот, конституируется ими. Оно всегда заполнено и всегда вещно; вне вещей оно не существует. Литература путешествий подтверждает это заключение нередкими примерами обозначения пространства, его «наполнения»: боги, люди, животные, растения, элементы сакральной топографии, сакрализованные и мифологизированные объекты из сферы культуры, совокупность всего того, что так или иначе «организует» пространство, собирает его.

После появления кавказских поэм А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова первозданная природа как часть кавказского ландшафта начинает широко запечатлеваться отечественной литературой и, как никогда ранее, актуализировалась в качестве ценности человеческого мира. Общение человека с природой и ее стихиями предстало как великое благо, как уникальный источник духовного обогащения индивидуальности. «Природа – это текст, скрижаль завета, которую данный Народ призван п(р)очитать, понять и реализовать в ходе истории на своей земле» [1; С. 35].

Несомненно, существует тонкая взаимосвязь между художественным произведением и местом, вдохновившим писателя на его создание, и, как отмечал Д.С. Лихачев, понять литературу, не зная мест, где она родилась, не менее трудно, чем понять чужую мысль, не зная языка, на котором она выражена. Не вызывает сомнения тот факт, что культура, существующая на земной поверхности, неизбежно символизирует среду своей жизнедеятельности. Географическое пространство естественным образом включается в семиосферу – семиотическое пространство культуры, внутри которого единственно возможны семиотические процессы. Информационный характер образа места позволяет говорить о культурном ландшафте как знаковой системе, благодаря чему пространство Кавказа можно рассматривать во всем богатстве и уникальности его локальных смыслов и взаимосвязей между ними. Топонимы и собственно географические локусы в такой системе выступают в роли знаков, образы – в роли означаемых.

По определению О.А. Лавреновой, «культурный ландшафт представляет собой знаковую систему, в которой знаки находятся в сложных и поливалентных взаимоотношениях, поэтому его вполне можно рассматривать как текст, доступный прочтению» [2; С.418]. По замечанию Д.Замятина, информация о внутренней семиотике культурного ландшафта обычно концентрируется в различных художественных и документальных

текстах, являющихся выражением ментальности локальной и национальной культуры. Суммируя эти определения, можно сделать вывод, что изучение отражения места и географического пространства в целом в литературном тексте дает возможность реконструировать глубинные процессы культуры.

Пространственная семиотика позволяет обнаружить в каждом субъекте знаки, в совокупности образующие социокультурную систему, раскрывающую специфику национальной ментальности. По образному выражению П. Успенского, «мы воспринимаем мир, налагая на него условия времени и пространства. «Пространство и время» – это категории рассудка, т.е. свойства, приписываемые нами внешнему миру. Это только вехи, знаки, поставленные нами самими. Это графики, в которых мы рисуем мир» [3; С.4].

Ему вторит В.В. Штейне, утверждая, что «по сути, стратегия использования образа места как знака в контексте культурного ландшафта возрождает культурную метафору «мир – книга» и «книга – икона мира». Подобным образом конструируется среда обитания, так как человек «набрасывает смысловую сеть» на элементы ландшафта и создает качественно иной мир, наполненный значениями и символами.

При глубоком осмыслении текст культурного ландшафта города, поселения и окрестностей превращается в священный или исторический текст, позволяющий по иному осмыслить привычное пространство. Осмысление локального топоса на качественно ином уровне позволяет максимально реализовать духовные и личностные запросы человека, проживающего в этом месте.

Наиболее распространенные архаические символы в той или иной редакции присутствуют в каждом локальном культурном ландшафте. Так, гора, самое высокое место в поселении, обычно освященное храмом, монастырем, есть символ устремления земли к Небу, молитвы, и собственно храм – наиболее обобщенный, семантически насыщенный образ мироздания как такового. Река в мировой культуре воспринимается в качестве «стержня» локальной вселенной, а также мирового пути. Дорога – полисемантический в русской культуре символ Пути. Мост через реку как символ связи миров, играющий важную роль как в древних, так и в современных свадебных обрядах.

Со времен «Хождения Афанасия Никитина» кавказское пространство отражалось в литературе, сопровождаясь превращением среды в знаковую систему, где «в роли знака выступали географические объекты или элементы культурного ландшафта, а в роли означаемого – архетипы, трансцендентные понятия и категории и соответствующие символы, которые создавали религиозно-мифологическую, или сакральную, географию» [2; С.420]. В результате складывается символическое понимание физического пространства.

Однако в «кавказском тексте» архетипические образы приобретают новую смысловую наполненность, происходит их определенная семантическая трансформация от произведения к произведению. Как и в любом «геокультурном» тексте, здесь запечатлены традиционные

архетипические образы, но их соединение авторами-путешественниками каждый раз создает новую внутритекстовую реальность, наполненную оригинальными смыслами. Основными архетипическими образами «кавказского текста» являются: гора, небо, камень, дерево, водная стихия, дорога.

Отмечая необыкновенный интерес к теме Кавказа, сохраняющийся в русской литературе на протяжении двухсот лет, исследователь «кавказского текста» русской литературы В.И. Шульженко отмечает, что включение в состав России «других народов Востока не создало ни такой эмоциональной привязанности, ни таких героев, как те, что связаны с Кавказом, главным образом потому, что ни в Средней Азии, ни на Дальнем Востоке не было столь литературного ландшафта» [4; С. 273], т.е., можно продолжить мысль ученого, на протяжении длительного исторического периода освоения Кавказа в литературе формируются образы, на которые повлияла географическая среда.

Немецкое слово *Landschaft* определяется как территория, обладающая физико-географической и культурной ценностью, в основном своем значении оно сходно с английским словом *region*. В настоящее время не только литературоведы, но и географы считают, что ландшафт имеет и эстетическое, и духовное содержание, поскольку, обустроивая пространство своего существования, люди наделяют ландшафты символическими значениями.

Что касается «кавказского текста» русской литературы, то изучение отражения ландшафта в литературе предполагает работу в поисках смысла и места Кавказа как особого пространства. Более того, мы имеем дело с обратной связью, – культура и литература о Кавказе влияет на образ региона.

В недавно опубликованной монографии В. Каганского «Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство» автор в общем-то справедливо сетует на равнодушие современных писателей к сфере пространства – это настоящая *terra incognita*, ибо остается для нас не отрефлектированной и присутствует в культуре как бессознательное. Однако современные писатели, путешествующие по Кавказу, такие как А. Битов, В. Гроссман, К. Паустовский, В. Астафьев, В. Огнев, А. Вяльцев, М. Шарапова, Э. Горюхина, М. Синельников воссоздают в своих путешествиях особое земное пространство – Кавказ. Именно им в кавказском путешествии здешнее земное пространство представляется одновременно цельным и дифференцированным, оно – жизненная среда достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей, которая освоила это пространство утилитарно, семантически и символически – и потому воспринимается как культурный ландшафт, достойный своей собственной, «ландшафтной», по определению В.Каганского, герменевтики. Весьма своеобразно писатели демонстрируют знание такой герменевтики, которая есть критическая интерпретация ландшафтного пространства как своего рода «произведения» общества и одновременно попытка «чтения общества» по его пространству.

В связи с вышесказанным, ландшафт Кавказа можно выделить как особую пространственную сферу, имеющую свою семантику. Путешествие – всегда процесс узнавания своих и чужих смыслов, скрытых за различными формами, знаками, словами, символами. У каждого путешествующего на Кавказ, несмотря на уже сложившийся стереотипный набор толкований его образов, существует свое прочтение символов этого древнего региона, сообразно собственному видению мира, уровню культуры, духовного и интеллектуального развития. Этот интереснейший процесс «прочтения» со всей своей полнотой и многозначностью отразился в литературе путешествий.

Символы Кавказа весьма притягательны, многослойны и требуют пристального взгляда путешественника, чтобы за конкретным объектом увидеть и опыт истории народа здесь живущего, и опыт его духовного переживания и осмысления текущих проблем, и индивидуальный опыт познания. А символами становится буквально весь «вещный» мир Кавказа. Так, для А. Битова наиболее ярким символом его кавказского путешествия становится библейский Арарат, гора, которая открывает ему себя в последнее мгновение пребывания путешественника на армянской земле; для В. Гроссмана сакральным смыслом наполнены серые камни, символизирующие твердость и вечность простого народа (здесь необходимо отметить, что «камень» не становится в оппозицию к «горе» – он составляющая ее часть, он – часть кавказской вселенной, центром которой является гора); для К. Паустовского символом Кавказа становится цветущая природа и необыкновенное благоухание этой земли; для Э. Горюхиной вся кавказская символика заключена в «бесконечно голубом и высоком небе», к которому и стремятся вершины гор. Но необходимо также заметить, что и культурные символы, включенные в кавказский ландшафт, приобретают новое значение. Центральным из подобных символов становится символ дома, домашнего очага – связано это, в первую очередь, с политическими событиями на Кавказе (братоубийственные войны, передел территорий и т.д.). Наиболее ярко символика этого семантического ряда просматривается у Э. Горюхиной, А. Вяльцева, М. Палей.

Как показал анализ произведений, входящих в «кавказский текст» русской литературы второй половины XX в., нетрудно выделить типичные кавказско-восточные культурные коды, на языковом уровне реализуемые в экзотической лексике, устойчивых эпитетах и выражениях, в которых доминирующей окраской будет инонациональная акцентированность.

Языковые коды отражают различные аспекты кавказского бытия: социально-политический, гендерный, морально-нравственный, бытовой, духовный, природный. В произведениях путешествующих авторов тот или иной аспект доминирует. Так, у Э. Горюхиной особое внимание уделено социально-политическому (размышления учительницы о трагедии кавказской войны, свидетелем которой она становится), у А. Вяльцева на первый план выходит морально-нравственный аспект (осознание деструкции современной действительности, в которой даже благодатный Кавказ

оскверняется человеком); А. Битов и А. Мамаладзе видят в своих кавказских путешествиях в первую очередь духовное начало.

Кавказский ландшафт традиционно мифологичен. Вспомним импрессионистски-пародийный образ Кавказа в чеховских «Огнях»: «Чудеса в решете! /.../ Черная ночь, шум моря, страдающая она, он с ощущением вселенского одиночества... черт знает что! Недостает только черкесов с кинжалами». В последней фразе закономерен глагол «недостает», предполагающий (как и пародийность эпизода) наличие для А.П. Чехова константного «кавказского» текста, реализующегося через устойчивые мифологемы: «черная ночь, море, вселенское одиночество, черкесы с кинжалами». Подобные отсылки к «кавказскому мифу» можно встретить в литературе путешествий, даже не относящейся к кавказскому тексту. Это еще раз подчеркивает реальность существования устойчивого «кавказского текста», наполненного характерными для него мифологемами и символами.

Наиболее важными и устойчивыми знаками и символами Кавказа, т.е. «предметным кодом культуры», «языком вещей», «семиотическим статусом вещей», можно считать первозданную природу, горы, реки, дом, храм и еду, которые имеют характер сакрального (от лат. – «посвященное богам», «священное», «запретное», «проклятое») и воспринимаются сознанием как принципиально отличные от обыденной реальности и исключительно ценные.

Итак, в современном «кавказском тексте» русской литературы сакральное выполняет роль структурообразующего начала: в соответствии с представлениями о сакральном выстраиваются другие фрагменты картины мира, и складывается их иерархия. Сакральные образы задают вертикаль ценностных ориентаций.

Библиографический список

1. *Гачев, Г.* Национальные образы мира: Евразия – космос кочевника, земледельца и горца [Текст] / Г. Гачев. – М.: Институт Ди-Дик, 1999. – 368 с.
2. *Лавренова, О.А.* Образ места и его значение в культуре провинции // Геопанорама русской культуры. Провинция и ее тексты [Текст] / О.А. Лавренова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 414-425.
3. *Успенский, Б.* Поэтика композиции [Текст] / Б. Успенский. – СПб.: Азбука, 2000. – 348 с.
4. *Шульженко, В.* Кавказский феномен русской прозы (вторая половина XX в.) [Текст]: монография / В. Шульженко. – Пятигорск: Изд-во ПятГФА, 2001. – 368 с.
5. *Каганский, В.Н.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство [Текст]: сборник статей / В.Н. Каганский. – М.: НЛЮ, серия «Библиотека журнала «Неприкосновенный запас», 2001. – 576 с.